

На правах рукописи

Григорьев Георгий Алексеевич

**ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ П. П. БАЖОВА:
ЭДИЦИОННАЯ ПРАКТИКА, КЛАССИФИКАЦИЯ,
НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ**

Специальность 10.01.01 –Русская литература

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2017

Работа выполнена на кафедре классической литературы и фольклора Института гуманитарных наук и искусств ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Соболева Лариса Степановна

Официальные оппоненты: **Абашев Владимир Васильевич**
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Пермский государственный
национальный
исследовательский университет»,
заведующий кафедрой журналистики
и массовых коммуникаций

Ефремова Елена Николаевна
кандидат филологических наук,
ГАУК СО «Свердловская
областная универсальная научная библиотека
им. В.Г. Белинского» (г. Екатеринбург),
заведующая отделом краеведческой литературы

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет»

Защита диссертации состоится «18» мая 2017 г. в 11-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.15 на базе ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, проспект Ленина, д. 51, к. 248, зал заседаний диссертационных советов.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?id=51&rid=267912>

Автореферат разослан «__» _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
профессор

Е. Е. Приказчикова

Общая характеристика работы

Отечественная традиция давно закрепила за эпистолярным наследием писателя статус обязательного приложения к его творчеству. Редкое издание формата собрания сочинений, то есть имеющее своей целью целостную репрезентацию творческого наследия, обходится без публикации отобранных по тому или иному принципу писем автора. Нередко писательские письма играют ключевую роль и в истории изучения его творчества.

Таким образом, **актуальность** обращения к эпистолярному наследию Павла Петровича Бажова обусловлена, с одной стороны, сильнейшей отечественной традицией, роль которой в современном литературоведении, очевидно, нисколько не ослабевает. С другой стороны, анализ различных концепций, осмысляющих жизнь и творчество П. П. Бажова, позволяет утверждать, что вводимый в научный оборот эпистолярный материал способен как существенно уточнить и дополнить уже сложившиеся представления о творческом феномене писателя, так и наметить перспективные, но совершенно не разработанные на данный момент направления исследований.

Степень изученности вопроса требует отдельного внимания. Рассмотрение историографического аспекта в I части работы позволяет сделать вывод о важной, порой принципиальной роли эпистолярных признаний писателя в исследовательском дискурсе, посвященном творчеству П. П. Бажова. Что влечет за собой вывод об эпистолярном наследии писателя как о материале, уже введенном в научный оборот. Однако, анализ собственно публикаций его писем, не позволяет признать научную состоятельность подавляющего числа этих публикаций (не говоря о том, что значительная часть анализируемых в работе писем не опубликована до сих пор).

В связи с этим, во-первых, возникает необходимость опираться сугубо на архивные материалы в виде подлинников либо машинописных копий (по преимуществу авторизованных); во-вторых, одной из задач исследования является переосмысление исторической роли писем писателя в традиции изучения его

творчества. Что приводит к определению **объекта** исследования как эпистолярного наследия писателя, однако **материалом** для исследования послужили только те письма, тексты которых были подтверждены документально.

Научная новизна исследования обеспечивается, во-первых, введением в научный оборот ранее неизвестных писем Бажова; во-вторых, разработкой исследовательских принципов, позволяющих оптимально реализовать научный потенциал эпистолярного наследия (в частности, этому способствует впервые проведенная классификация рассматриваемых писем).

Так как основной **целью** исследования является осмысление научного потенциала эпистолярия П. П. Бажова, предметом исследования становится проблемно-тематическая структура комплекса эпистолярных текстов.

Обозначенная цель предполагает решение следующих **задач**:

1. Анализ эдиционной и исследовательской практики, связанной с письмами.

2. Систематизация эпистолярных документов, определение тематического диапазона эпистолярия, а также выявление характерных выразительных и содержательных особенностей текстов, связанных с их специфической коммуникативной природой.

3. Выявление основных проблемно-тематических блоков эпистолярия как структурно целостного комплекса текстов.

4. Осмысление специфики писем Бажова в качестве источника эстетических воззрений автора.

5. Выявление перспективных направлений в осмыслении эпистолярного наследия писателя как источника, репрезентирующего его творческую стратегию.

Сформулированные задачи определили **структуру** диссертации. Работа состоит из введения, двух основных частей, заключения, библиографического списка, включающего 201 наименование, и приложения. Общий объем – 233 страницы.

В первой части, исходя из первых двух задач, акцент делается на проблемно-тематическом анализе (посредством классификации всего материала), позволяющем сделать выводы об особенностях эпистолярия как единого целого.

Во второй части концентрируется внимание на эпистолярном дискурсе писателя в сфере культуры, эстетики, творчества. Смена угла зрения позволяет выйти на более глубокий, структурирующий уровень анализа, способный обратить тексты писем в уникальный источник, репрезентирующий стиль творческого мышления, опорные эмоционально-нравственные и эстетические установки, биографический и психологический подтекст мироощущения.

Степень достоверности полученных результатов определяется привлечением репрезентативного объема документальных источников (более 1000 писем общим объемом около 900 000 знаков) с использованием актуального теоретического инструментария и в корреляции с современными теориями творчества писателя. Обоснованность выводов, сделанных на основе этого материала, обеспечивается методологией жанрового и историко-культурного анализа. Правомерность данных положений и выводов подтверждена рецензиями на статьи, которые были опубликованы в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Основными положениями, выносимыми на защиту, являются следующие:

1. Анализ эдиционной и исследовательской практики, связанной с письмами П. П. Бажова, с одной стороны, убеждает в чрезвычайной востребованности эпистолярных высказываний для воссоздания творческой биографии писателя. С другой же стороны, учитывая принципы и подходы, просматривающиеся в различных публикациях эпистолярных текстов, подталкивает к выводу о низкой степени достоверности и репрезентативности присутствующего в научном обороте материала.

2. Классификация, проведенная на основе дифференциации характера связи автора и адресата, позволяет систематизировать и описать проблемно-тематический диапазон эпистолярия.

3. Сохранившееся эпистолярное наследие П. П. Бажова представляет собой ценный историко-литературный материал, позволяющий продуктивно подойти к проблеме систематизации эстетических воззрений писателя и выявления принципов, составляющих специфику его творческой стратегии, опираясь на достоверную документальную основу.

4. Соотнесение эпистолярного дискурса П. П. Бажова и его писательской практики открывает наиболее перспективные направления в изучении творческого феномена литератора.

Теоретическую и методологическую базу исследования составили работы А. С. Долинина, М. П. Алексеева, Б. Л. Модзалевского, Г. П. Макогоненко, основанные на опыте собирания, издания и комментирования писем литераторов. Кроме того, подход, реализованный в первой части, опирается на общие научно-исследовательские принципы по отношению к публикации эпистолярных документов, сформулированные Е. И. Прохоровым, А. Л. Гришуниним, Э. Л. Ефременко, С. И. Рейсером. Специфику жанрового и историко-культурного анализа во второй части исследования во многом определили труды Б. М. Эйхенбаума, Б. В. Томашевского, А. П. Чудакова, Л. Я. Гинзбург, Н. В. Сапожниковой.

Теоретическая значимость заключается в попытке осмыслить эпистолярное наследие, с одной стороны, как самостоятельный феномен, специфически совмещающий в себе документальное, личностное и художественное начало; с другой стороны, как часть концептуально монолитного феномена жизни, общественной деятельности и творчества П. П. Бажова.

Практическая ценность работы заключается в возможности применения результатов исследования в изучении жизни и творчества П. П. Бажова, а также для разработки общих лекционных и специальных семинарских курсов в вузовском преподавании литературы XX века, в школьном курсе русской словесности и ее региональной составляющей, музейной работе по классификации эпистолярного наследия писателей.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования отражены в 7 публикациях автора, из которых 3 статьи опубликованы в ведущих журналах, рецензируемых ВАК РФ.

Основные положения диссертации отражены в докладах на всероссийских и международных конференциях «Дергачевские чтения – 2011» (Екатеринбург, 6–7 октября); «Литература Урала – 2012» (Екатеринбург, 11–13 октября); «VII Уральские археографические чтения: Культурные элиты России: истоки формирования и модели развития» (Екатеринбург, 24–26 октября, 2013); «П. П. Бажов в меняющемся мире» (Екатеринбург, 13-14 февраля, 2014); «Дергачевские чтения – 2014» (Екатеринбург, 6–7 октября); «IV Ельцинские чтения» (Екатеринбург, 22–23 апреля, 2015); «Литература Урала: история и современность» (Екатеринбург, 8–9 октября, 2015); «Дергачевские чтения – 2016. Русская словесность: диалог культурно-национальных традиций» (Екатеринбург, 13–14 октября); а также на ежегодных Ученых советах Объединенного музея писателей Урала, посвященных дню рождения П. П. Бажова (2011–2016). Кроме того, результаты исследования вошли в лекцию «Мир сказов Павла Бажова» для видеолектория Президентской библиотеки (18 октября, 2016).

Основное содержание работы

Во **введении** рассматриваются основные этапы становления культуры публикации и научного осмысления писательских эпистоляриев, обосновывается выбор темы диссертации, ее актуальность, формулируются цели и задачи исследования, его методологические принципы, определяется материал, объект и предмет изучения.

Первая часть исследования «**Проблемно-тематический обзор писем П. П. Бажова**» посвящена истории публикации и изучения бажовского эпистолярия и его классификации. Кроме того, сделаны выводы о специфике научно-исследовательского дискурса, связанного с письмами Бажова, в том числе, имеющие практическую перспективу.

В первом разделе первой части «**Эдиционный и историографический аспекты изучения эпистолярного наследия П. П. Бажова**» история изучаемого вопроса становится своеобразным объективным материалом, который требует особого критического анализа. Дело в том, что если рассматривать историю осмысления эпистолярного наследия писателя, то напрашивается вывод о том, что высказывания Бажова, дошедшие до нас благодаря письмам, сыграли (и играют) немалую роль в общем исследовательском дискурсе, посвященном его жизни и творчеству. Вместе с тем, обращение к собственно источникам, в данном случае, к публикациям писем, на которые опираются исследователи (обращение к документальным источникам крайне редко), дает основание говорить о практически полном отсутствии именно научных публикаций этих писем. Опубликованный эпистолярный Бажова не просто не является научно достоверным, а настолько деформирован, что сравнение эпистолярного наследия писателя в виде совокупности изданных текстов и писем Бажова, сохранившихся в документальном виде, создает впечатление от двух разных авторов.

Стоит считать закономерным, что и исследовательский дискурс вокруг бажовского эпистолярия сложился весьма специфичным. Так, исследований, посвященных сугубо письмам писателям, крайне мало. Строго говоря, под это определение подпадает только одна работа В. В. Блажеса «Эпистолярное наследие П. П. Бажова»¹. Если расширить поле зрения и считать исследования, в которых помимо писем обсуждаются, например, публицистические выступления и дневниковые записи, но интерпретация писем занимает центральное место, то количество имен несколько возрастет (таковы работы М. А. Батина², А. С. Саранцева³, В. П. Лукьянина⁴). Но наиболее значительный корпус составляют

---

¹ Блажес В. В. Эпистолярное наследие П. П. Бажова // Бажовская энциклопедия / ред. сост. В. В. Блажес, М. А. Литовская ; Ин-т истории и археологии УрО РАН, Урал. гос. ун-т, Объед. музей писателей Урала. Екатеринбург : Сократ ; Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 490–496.

² Батин М. А. Творчество для народа // Бажов П. П. Публицистика. Письма. Дневники. – Свердловск: Кн. изд-во, 1955. – С. 5–29.

³ Саранцев А. С. Павел Петрович Бажов: жизнь и творчество. Челябинск : Челябинское кн. изд-во, 1957. 372 с.

статьи, в которых объектом исследования чаще всего является та или иная грань творчества П. П. Бажова, однако эпистолярные высказывания писателя становятся авторитетным источником, подкрепляющим основные положения концепции, что так же влечет за собой определенную ситуацию осмысления эпистолярия.

Анализ всех этих работ позволяет прийти к следующим выводам. С одной стороны, очевидна актуальность, востребованность размышлений Бажова, дошедших до нас благодаря его письмам. Редкая тема или проблема, поставленная впоследствии исследователями, не была затронута самим писателем в личной переписке. При этом характерна как широта вопросов, интересовавших Бажова, так и достаточная компетентность в каждом из них – легко заметить, что в большинстве статей его письма подаются (и, вероятно, воспринимаются исследователями) как источник весьма авторитетного мнения. Любопытно, что иногда довольно оригинальная и глубокая исследовательская концепция во многом является (или оказывается) развитием, обобщением, интерпретацией мыслей, высказанных Бажовым в письмах (яркий пример – концепция М. А. Литовской о реализации писателем альтернативного варианта истории Урала⁵, представляющаяся нам наиболее плодотворной из существующих на данный момент, одновременно «хорошо вписывается» в систему оценок Бажовым собственного творчества, которыми он делился в своей корреспонденции).

С другой стороны, при всей активности обращения к письмам общим местом неизбежно становятся такие моменты, как выборочное цитирование; отсутствие исторического и биографического контекста, в которой была высказана та или иная мысль; произвольно расставленные акценты – такая манера использования писем делает из них достаточно аморфный материал, в котором собственно автор попадает почти в полную зависимость от исследователя.

---

⁴ Лукьянин В. П. Согласно, но вопреки. П. П. Бажов как «художник социалистического реализма» // Урал. 2004. №1. С. 77-96.

⁵ Литовская М. А. «Фабульные крючочки и петельки»: поэтика ком-промисса в творчестве П. П. Бажова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2014. – №2(127). – С. 8-17.

Важным пунктом стратегии данного исследования является опора на материалы, достоверность которых подтверждается документально. В результате поисков в различных государственных архивах России можно сделать вывод, что коллекция писем П. П. Бажова, которая находится в фондах Объединенного музея писателей Урала в Екатеринбурге является максимально репрезентативным на данный момент собранием эпистолярия писателя. Письма, обнаруженные в хранилищах других учреждений, отложились в личном архиве Бажова (перешедшем в архив ОМПУ) в виде авторизованных копий. А работа сотрудников музея с частными лицами, у которых могли сохраниться иные эпистолярные документы, позволяет предполагать, что основным массивом писем мы уже располагаем.

Упомянутая коллекция ОМПУ насчитывает порядка 1300 писем, написанных самим писателем. Однако значительную часть из этого числа составляют ответы писателя на депутатские запросы (около 900 единиц)⁶. Кажется целесообразным оставить за рамками данного исследования эту наиболее формализованную и наименее выразительную с точки зрения личностного начала пишущего часть эпистолярного наследия, к тому же слабо связанную с кругом проблем, поднимающихся в остальных письмах и имеющих непосредственное отношение к жизни и творчеству писателя. В связи с этим материалом для исследования стали 357 эпистолярных документов общим объемом около 850 000 знаков.

Проведенная во втором разделе первой части **«Классификация эпистолярного наследия П. П. Бажова»** является разбиением эпистолярных документов П. П. Бажова на группы писем, выделяемых на основе следующего дифференцирующего признака – характера связи автора и адресата. Такая связь естественно реализована в любом письме, как и в любом другом коммуникативном акте, но именно характер связи, обусловленный реальными,

---

⁶ Подробнее о тематическом составе этой группы писем см. Григорьев Г. А. Депутатская переписка П. П. Бажова (на материале фондов Объединенного музея писателей Урала) // Дергачевские чтения - 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы X Всерос. науч. конф. — Екатеринбург, 2012. — Т. 3. — С. 51-56.

биографическими отношениями корреспондентов, определяет существенные содержательные и стилевые установки того или иного эпистолярного текста.

Согласно указанному принципу все эпистолярное наследие П. П. Бажова были разделены на три основные группы: письма, обусловленные **родственной, дружеской и деловой связью.**

Первая группа, **письма к родственникам (подраздел 1.2.1)**, характеризуется самым большим временным диапазоном. В нее входят такие документы, как поздравительные открытки, подписанные рукой П. П. Бажова, которые датируются декабрем 1913 года. А также записки, написанные П. П. Бажовым в Москве жене, Валентине Александровне, из Кремлевской больницы в ноябре 1950 года, которые с большой долей вероятности можно считать последними автографами писателя. В виде документов (подлинников и копий) сохранилось 27 писем (в том числе, поздравительные надписи и записки).

Переписка с родными на протяжении всей жизни была внутренней необходимостью писателя. Как известно, Бажов был прекрасным семьянином, и письма родственникам не только подтверждают это, но и показывают чрезвычайную гармонию его личности, благодаря которой в энергичной натуре писателя уживаются установки и на активную деятельность самого широкого масштаба (просветительство в период Гражданской войны; коллективизация, индустриализация, отраженные в письмах 30-ых годов), и на не менее важное сохранение домашнего очага. Наибольший интерес здесь вызывает супружеская переписка. Вероятно, Валентину Александровну можно назвать уникальным адресатом: в письмах к ней установка на интересы собеседника, характерная черта эпистолярного стиля Бажова, чрезвычайно гармонировала с истинными внутренними приоритетами писателя. Бесспорно, такая открытость внешнему миру с полной самоотдачей и в глубоко камерной сфере личной, домашней жизни находит выражение в письмах и другим адресатам, но такой очевидной, не допускающей сомнений искренности, пожалуй, нет нигде.

Особая речевая манера позволяет выделить группу **дружеских писем П. П. Бажова (подраздел 1.2.2)**. Ироничные замечания, остроты, обильная словесная

игра, аллюзии, образность – все это создает совершенно определенный характер максимально доверительного, открытого дружеского общения.

Вторым дифференцирующим признаком бажовского дружеского послания является **интенсивная включенность тем бытового, семейного характера**. «Домашняя жизнь» и «домашние дела»⁷ в таких письмах становятся неотъемлемой рубрикой. Бажову важно, что собеседник включен в домашний круг «своих», важно и самому быть таковым. В отличие от деловой переписки, где актуализируется, прежде всего, профессиональная деятельность адресата, дружеская – обращена в первую очередь к человеку, что, по Бажову, предполагает обязательное внимание к его семейной жизни.

Таким образом, группу дружеских писем П. П. Бажова, реализующих дружескую (но не деловую⁸) связь с адресатом, составляют 46 писем, написанных в период с 1940 по 1949 гг. Тематический диапазон этих писем крайне широк и является самым ярким и полным выражением разносторонне развитой личности Бажова. Стоит сказать, что именно эта часть эпистолярного наследия писателя более всего нуждается в самом критическом и многоплановом исследовании. Притом в исследовании как в историко-культурном и биографическом аспектах, так и в анализе чисто художественном, способном учесть очевидный литературный градус этих писем, вскрывающем «индивидуальное оформление действительности»⁹ автора писем.

Письма П. П. Бажова, написанные по деловому поводу (подраздел 1.2.3), являются самой большой группой, как по количеству документов (более 1000), так и по общему объему (более 500000 знаков). Все подобные письма актуализируют в первую очередь деловой характер связи автора и адресата, обусловленный сходной (письма коллегам-писателям) или смежной (письма издателям, читателям) деятельностью корреспондентов. Необходимо заметить, что связь собеседников определяется непосредственно из конкретного письма и

⁷ Из писем к В. В. Данилевскому, 1946 год [Архив ОМПУ, Ф. 2; КП 23228 Л.4–5].

⁸ Несколько писем к Е. А. Пермяку написаны П. П. Бажовым в свойственной ему деловой манере и отнесены в соответствующую группу деловых писем.

⁹ Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л. : Художественная литература, 1977. С. 12.

тем, в нем затронутых, тогда как реальная, биографическая связь может быть более тесной (случай с деловыми письмами к Е. А. Пермяку, в которых Пермяк выступает как автор, например, работы «для ансамбля песни и пляски “Тебе, поколение”» [Е. А. Пермяку; 7.02.1947; ОМПУ Ф.2, НВФ 5108 Л.124–127], а Бажов – как рецензент и консультант) или же, наоборот, отсутствовать (как в случае, например, с письмами начинающим писателям, с большинством из которых Бажов не был знаком).

Такого рода письма, несмотря на общую неформальную тональность, аналогичную письмам к родственникам и друзьям, существенно отличаются как по стилистике, так и по содержанию. Экспрессивность, реализующая близость родственных и дружеских отношений собеседников, ироничность и шутливость дружеского послания заменяются сдержанным дружелюбием и относительно небольшой стилистической свободой (основной стиль – книжный с элементами разговорного). Содержание же достаточно строго определяется поводом (заданными адресатом вопросами или просьбами автора), темы и мотивы бытового или личного порядка включаются довольно редко и носят либо формальный характер (передаются приветы родственникам адресата), либо играют роль в обсуждаемом деле (в письмах к издателям, редакторам Бажов может жаловаться на здоровье, объясняя свои опасения нарушить те или иные договоренности).

Несмотря на относительную однородность по указанным содержательным и стилистическим параметрам, письма делового характера составляют столь обширную группу, что очевидна необходимость в ее дополнительном упорядочивании, разбиении на подгруппы. Впрочем, необходимость, к тому же и продуктивность, дополнительного разграничения обусловлена и самим материалом. Дело в том, что П. П. Бажов, известный своей чрезвычайной энергичностью и подлинной многогранностью натуры, оставил после себя не менее разнонаправленную переписку. При этом сам писатель как осознанно разделял различные виды своей деятельности (писательскую, журналистскую,

редакторскую, исследовательскую, депутатскую, организаторскую), так и видел в них важные для себя пересечения.

В связи с этим представляется обоснованным в рамках писем одной группы выделить подгруппы, связанные с разными направлениями деятельности автора (в случае с Бажовым такое разбиение будет содержательным, так как письма, к примеру, Бажова-журналиста и Бажова-писателя имеют существенные проблемно-тематические различия), одновременно подчеркивая их принципиальную смежность, не менее характерную для личности писателя.

Таким образом, деловые письма П. П. Бажова распадаются на следующие подгруппы:

- письма, связанные с журналистской деятельностью (18 писем);
- письма, связанные с редакторской деятельностью (28 писем);
- письма, связанные с исследовательской деятельностью (36 писем);
- письма, связанные с литературной деятельностью, которые в свою очередь подразделяются на направления, обусловленные положением П. П. Бажова:
  - в качестве члена Союза Советских писателей (официальные письма в связи с организационной деятельностью в свердловском отделении ССП; письма-рекомендации к начинающим писателям) (57 писем);
  - в качестве автора художественных произведений (письма в редакции издательств, письма к читателям, письма к деятелям искусства, культуры и образования в связи с их работой «по мотивам» бажовских произведений) (81 письмо);
  - в качестве члена профессионального литературного сообщества (письма к писателям, письма к исследователям собственного творчества) (64 письма);

В итоговом для первой части **разделе 1.3 «Проблема реализации научного потенциала эпистолярного наследия П. П. Бажова как единого целого»** ставится проблема реализации научного потенциала эпистолярного наследия П. П. Бажова как единого целого. Стоит признать, что проблема восприятия корпуса писем П. П. Бажова как своеобразного единого текстового

пространства возникает практически с первых шагов. Как видно из проблемно-тематического обзора, многогранность личности автора, пестрота тем и стилей нередко и в рамках одного письма, количество адресатов и их разнообразие как в личном, так и профессиональном плане, большой временной диапазон – все это превращает эпистолярное наследие писателя в столь разнородный поток текстов, что возникают сомнения о возможности и, что важнее, необходимости концептуально и методологически состоятельного сведения всех этих документов в единое смысловое целое.

Обзор истории эдиционной и исследовательской практики довольно наглядно демонстрирует то, что несоблюдение именно принципа целостности эпистолярного дискурса П. П. Бажова влечет за собой чрезвычайное обеднение (граничащее с искажением) как фактической, документальной составляющей писем, так и смыслового, автопсихологического их наполнения.

В качестве практического вывода предлагается создание описательного каталога, состоящего из научно-исследовательских карточек эпистолярного документа, предназначенных для заполнения на каждое дошедшее до нас в документальном виде письмо П. П. Бажова (в **Приложении** предлагается и типовая форма для заполнения). По замыслу, такая карточка способна репрезентативно замещать собственно письмо на первых, предварительных этапах работы по их изучению. Первая часть формы – описание непосредственно документа, а также краткие сведения биографического порядка, характеризующие контекст написания письма – помогут исследователю сориентироваться в архиве Бажова, составить представление о потенциально интересующих письмах. Вторая часть - «Проблемно-тематическое описание текста документа» - дает представление о содержательном диапазоне письма, помогая, в частности, найти интересные сведения в неожиданных, непредсказуемых местах.

Во второй части исследования «**Вопросы литературы, фольклора и истории в эпистолярном дискурсе П. П. Бажова**» методология анализа меняется в связи с переключением фокуса внимания. Если в первой части

принципиальной была документальная природа эпистолярия, и письма писателя осмыслились как неотъемлемая часть прежде всего биографического дискурса, то методология второй части призвана актуализировать в первую очередь содержательную составляющую эпистолярных текстов Бажова.

Как было показано, количество и разнообразие вопросов и проблем, поднятых Бажовым в письмах, весьма внушительно. Поэтому наиболее продуктивным в рамках одного исследования представляется анализ более конкретной составляющей эпистолярного дискурса писателя – его размышления, непосредственно связанные с литературой, то есть письма или фрагменты писем, в которых Бажов касается вопросов литературного творчества, историко-литературного процесса, литературы как социального института.

Логика эпистолярного дискурса Бажова прослеживается в **разделе 2.1 «Проблемно-структурный анализ эпистолярного дискурса П. П. Бажова»**. Осмысление писателем перечисленных тем происходит в координатах нескольких фундаментальных для него проблем, каждой из которых в исследовании посвящен свой подраздел.

Размышления над **проблемами жизненного материала и исторических источников литературного творчества (подраздел 2.1.1)** приводят Бажова к оценке «знания материала» как к первому и едва ли не решающему критерию художественной состоятельности писательского труда. Без него, по мнению Бажова, творчество утрачивает связь как с современной жизнью («сидя за городским письменным столом и вращаясь в кругу себе подобных, мы абсолютно ни черта не знаем о жизни страны» [Л. И. Скорино; 17.09.1946; ОМПУ Ф.2, КП 21330 Л.3]), так и с реальностью в принципе (когда литература становится источником «хорошо усваиваемой развесистой клюквы» [А. А. Суркову; 1945; ОМПУ Ф.2, НВФ 7491 Л.3]). При особой приверженности самого Бажова к исторической науке вполне закономерен его особый интерес к литературным произведениям, основанным на материале прошлого. Проблема плодотворного художественного осмысления «страниц истории» (как в

собственном творчестве, так и в творчестве других писателей) в его размышлениях прочно связана и с проблемами самой науки, и с уровнем научно-исторической культуры в современном ему обществе. Бесспорным для писателя является то, что обращение к прошлому необходимо прежде всего для глубокого понимания современности. Однако наука, рациональный метод познания действительности имеет и свой предел, тогда как достоверные факты и материалы, осмысленные в подлинно художественных целях (а не в виде «красненьких флажков “для советскости”» [Л. И. Скорино; 10.07.1946; ОМПУ Ф.2, КП 21329 Л.1–2]), могут дать литератору образы, значение которых для культуры будет невозможно переоценить («Пусть даже каждому такому искателю в конце придется со вздохом повторить: “Умом Россию не понять”, но производное от этих поисков все-таки будет всегда ценным» [Е. А. Пермяку; 14.04.1944; НВФ 5108 Л.21]).

Анализ оригинального видения **проблемы фольклорных источников литературного творчества (подраздел 2.1.2)** позволяет развести две принципиальных для писателя ипостаси культурного феномена фольклора, когда устное народное творчество может быть и *объектом* изучения, собирания, сохранения; и *субъектом* литературного процесса посредством его творческих литературных интерпретаций, когда своей литературной задачей Бажов считает и сохранение, запечатление стихийно сложившегося явления во всей его эстетической силе, и актуализацию, обращение увиденной им художественной мощи на проблемы современности.

Напряженное взаимодействие **языковой стихии (подраздел 2.1.3)** и **индивидуального авторского начала творческого процесса (подраздел 2.1.4)** определяют для Бажова и основную сложность механизма создания литературного текста, и его художественный и культурный потенциал. При этом одной из существенных черт бажовской эстетической системы необходимо признать то, что, по мнению писателя, творчество в высшем своем проявлении содержит обязательный элемент иррационального, необъяснимого, стихийного.

Однако литература актуальна для Бажова не только как для писателя, но и как для человека, который непосредственно занимался и редакторской, и издательской, и критической деятельностью. Оттого не менее принципиальны для него и **социально-культурные аспекты литературного процесса (подраздел 2.1.5)**, и **проблемы литературы как общественного института (подраздел 2.1.6)**. Если, с одной стороны, литературное творчество имеет в своей основе «несоизмеримые, почти стихийные» явления жизни (такие, как языковая стихия, наитие, неисчерпаемая образность народного устного творчества), то с другой стороны литература взаимодействует с самыми, быть может, прозаическими, бытовыми подробностями этой же жизни – проблемами с издательскими планами, субъективности редакторской правки, бестолковостью и невежеством критики и т.д. Однако эта же сторона литературы и делает ее реальной общественной силой. Для Бажова очевидно, что только книга, напечатанная и дошедшая до читателя, может стать объективным событием, фактом искусства и культуры, а затем действительно сыграть ту или иную роль в процессе становления общества.

Последний раздел второй части посвящен **проблемам систематического описания эстетических воззрений писателя (раздел 2.2)**. Если говорить об эпистолярных размышлениях Бажова как о дискурсе, в котором репрезентируется вполне последовательная и законченная система творческих установок писателя, можно выделить два опорных принципа, определяющих смысловую целостность разрозненных суждений.

Первый из них можно охарактеризовать как постоянный поиск конструктивного сопряжения единичного и общего, индивидуального и универсального. Настаивая на необходимости *своего* взгляда, *своих* тем и *своих* задач, соответствующих *своим* же возможностям и способностям, Бажов никогда не игнорирует и вопрос некой встроенности той или иной деятельности в общий процесс. Очевидно, что Бажову чуждо творчество «в стол», как чуждо и творчество для заведомо небольшой, «узкой» аудитории. И, собственно, в принципиальном сопряжении этих зачастую взаимоотрицающих стремлений

писатель избирает ту позицию, при которой индивидуальное творческое начало становится максимально востребованным, полезным обществу и культуре (то есть как минимум публикуется, имеет читателя, а в идеале – продуктивно включается в развитие литературного процесса), но не теряет той питательной почвы, на которой сохраняет свою оригинальность, своеобразие.

Второй принцип заключается в сознательном сохранении определенной доли стихийности, непредсказуемости в любом рациональном, упорядочивающем уопостроении. Безусловно, для Бажова творческий, художественный акт в значительной степени предполагает именно аналитическую деятельность – обобщение, выявление закономерностей, поиск логики в беспорядке жизненных явлений. Однако не менее важным для писателя остается некая «живительная» мера хаоса. Неслучайно, что удачное произведение он определяет как «неожиданное», а крупное писательское дарование для него прежде всего стихийно, недостижимо в рациональных и логических категориях¹⁰.

Нужно заметить и то, что мера непредсказуемости закладывается Бажовым не только в непосредственный процесс создания текста, но и в творческую стратегию в целом. Отсюда и его призыв уходить от «кастовой замкнутости» писательского сообщества; и восприятие действительности как соавтора; и чрезвычайный интерес к откликам самых разных читателей как к возможности постижения механизма взаимодействия человеческого сознания с уже готовым художественным текстом.

Указанные принципы составляют поле напряженного взаимодействия, взаимовлияния и пересечения краугольных для эстетического сознания Бажова понятий. И фундаментальными здесь необходимо считать три феномена, слагающих, по мысли писателя, пространство, в котором происходит

---

¹⁰ Ср. размышления об А. П. Чехове: «Мне вон не нравится даже издание писем А. П. Чехова. Там много блеску, немало всяких литературоведческих ключей и отмычек, но это все-же как-то приземляет его, придает ему черты просто мастера высшего разряда, а мне этого не хочется. Для меня он несоизмерим, несравним, почти стихийен» [Л. И. Скорино; 27.10.1945; ОМПУ Ф.2, КП 21328 Л.2].

любой творческий процесс: жизненный материал, языковая стихия и индивидуальное творческое начало.

Выделение в качестве краеугольных понятий жизненного материала, действительности и языка во многом обусловлена отношением Бажова к слову как к ресурсу, с помощью которого и происходит осмысление действительности человеком. Именно через слово происходит закрепление текучей, быстро меняющейся жизни, а значит запускается процесс культурной памяти. При этом особо ценным для Бажова является коллективная ипостась языка («Уж очень огромен наш язык, и каждый из нас перед ним козявка козявкой» [Л. И. Скорино; 20.09.1944; ОМПУ Ф.2, КП 21322 Л.9]). Язык становится средоточием подчас уникальной информации, так как является результатом мыслительной деятельности огромного количества людей, ведь в расчет берется не только синхронный срез языка на современном этапе, но и языковой материал в его исторической перспективе, и тогда язык концентрирует в себе наблюдения, мысли, оценки целого народа, его многовековой опыт. Таким образом, писательская деятельность, по Бажову, обретает ценность потому, что именно писатель, благодаря своей «профессиональной» близости к языку, получает возможность реализовать хотя бы часть той познавательной мощи, которая в нем кроется¹¹.

Эстетически значимой становится и интенсивно осмысляющаяся Бажовым категория читателя. С одной стороны, взаимоотношения читателя и писателя обуславливают для него ту необходимую жизнеспособность литературы, за счет которой художественный текст входит в реальную жизнь, становится фактом действительности. Анализ образа читателя в письмах Бажова помогает выстроить более обширную систему, в которой феномен литературы вписывается им в качестве неотъемлемого элемента и в культурную, и в

---

¹¹ Ср. высказывание о крестьянских письмах, с которыми писатель работал в 1920–х гг.: «Какие ситуации, сколько материала для самых неожиданных поворотов, а язык! О! Это то самое, что только в молодости присниться может. Я уже об этом писал восторженную страницу в "Краеведческих истоках", да разве это выразишь. Каким надо быть сухарем и чурбаном, чтоб не испытать воздействия этой первозданной красоты. Да посадите на это дело на целых семь лет человека чеховского дарования, чтобы он сделал!» [Л. И. Скорино; 20.09.1944; ОМПУ Ф.2 КП 21322 Л.8].

социальную жизнь человека. Сугубо личные, индивидуальные творческие «лабораторные» поиски литератора, по Бажову, могут стать фактом общекультурного, да и общечеловеческого масштаба. Механизм глубокой взаимосвязи, взаимосозидания жизненного материала, языковой стихии, творческой индивидуальности автора, сознания читателя в контексте глобального хода мировой культуры в целом – это и есть механизм подлинной литературы.

С другой стороны, в поле этих же отношений входят и такие представители литературного сообщества, как редактор, издатель, критик, литературовед, задачей которых, по Бажову, является, во-первых, сделать произведение доступным читателю, а во-вторых, ввести это произведение в поле культуры в целом. Посредством профессиональной оценки, интерпретации, выявления культурологических связей эти институции обязаны поместить результат работы творческой индивидуальности, единицы в сферу коллективной творческой интенции человека по отношению к жизни, притом на то место, на ту позицию, которая позволит ему максимально плодотворно влиять на самые глобальные культурные процессы нередко и государственного порядка.

Нетрудно заметить, что эстетическому мышлению Бажова присущ действительно внушительный масштаб, в котором каждый читатель обнаруживает взаимосвязь со структурами целого государства, а самый скромный начинающий писатель способен сделать вклад в развитие культуры всего общества.

При всей логической выстроенности, законченности размышлений Бажова, наиболее значимым представляется вопрос об их актуальности и ценности при наложении их на творческие опыты писателя. Полноценный анализ под таким углом представляется одним из главных направлений в перспективе дальнейшей разработке материала, и в рамках данного исследования сделаны лишь несколько замечаний.

Во-первых, показано, что письма позволяют наметить ту парадигму нравственно-психологических и эстетических ориентиров, которая в состоянии

как свести воедино достаточно разнородный набор жанровых модификаций, который прошла сказовая проза Бажова, так и осмыслить весь творческий путь писателя в единых, прежде всего эстетических координатах.

Во-вторых, прослеживается тот факт, что творческий феномен Бажова вписывается в его же эстетические построения не только там, где авторское начало играет определяющую роль, т.е. в принципах работы над произведением. Многие из созданного писателем продолжает следовать авторским интенциям и по выходе из-под пера, при погружении в культуру, жизнь, историю. О вкладе Бажова, большом и разноплановом, в уральскую, русскую и мировую культуру говорить не приходится – этому посвящено немалое количество работ. Но сколь убедителен этот успех, сколь масштабно культурное влияние его текстов, столь же необъяснимы механизмы этого явления – чаще всего попытки понять секреты мастерства заканчиваются либо слишком общими высказываниями о таланте, творческой удаче и счастливом стечении обстоятельств, либо существенными натяжками и игнорированием не вписывающихся в концепцию фактов, тогда как письма отчетливо свидетельствуют, что культурный резонанс сказов был в немалой степени заложен уже на этапе замысла.

Таким образом, проблемно-структурный анализ позволил увидеть в эпистолярном наследии писателя материал, позволяющий говорить о Бажове как о по-настоящему оригинальном и самобытном литературном таланте, специфическую природу которого полноценно понять можно лишь при учете сложной аналитической системы внутренних предпосылок и ориентиров, внешних факторов, а также характера их взаимосвязи.

В заключении формулируются основные выводы всего исследования. Научный потенциал эпистолярного наследия П. П. Бажова можно рассматривать в трех плоскостях, условно разводящих три смысловых пространства такого рода текстов, как письма писателя.

Первую плоскость составляет фактологический слой эпистолярия, то есть совокупность сведений, позволяющих сделать тот или иной вывод исторического или биографического характера.

Вторая плоскость, в которой эпистолярий является уже по-настоящему уникальным источником – это плоскость личностного начала. Письма позволяют проникнуть в сферу внутреннего мира пишущего с максимально возможной достоверностью.

И действительно, можно привести немало эпистолярных фрагментов, в которых Бажов демонстрирует логику размышлений, при которой рациональные доводы явно уступают в приоритете доводам субъективным. Но письма обнаруживают и то, что такая расстановка приоритетов абсолютно не случайна, а является выношенной, принципиальной жизненной позицией. Иначе говоря, Бажов не просто поддается чувствам и эмоциям, вопреки доводам разума – следование внутренним, иррациональным ощущениям для него и является разумным и рациональным. Это приводит к выводу о существенной значимости личностного начала как в вопросах биографического порядка, так и в проблемах, касающихся жизненной и творческой стратегии писателя.

Однако на действительно конструктивный уровень данные рассуждения выходят с привлечением третьей плоскости эпистолярного наследия. А именно, плоскости, в которой комплекс эпистолярных текстов является репрезентацией мировоззрения автора.

Как было показано во второй части исследования, письма Бажова могут быть богатым источником эстетических воззрений писателя, более того способны подсказать некие ключевые позиции, исходя из которых, непосредственно творчество становится вполне последовательной реализацией этих воззрений. И все же необходимо признать, что бажовский эпистолярный дискурс позволяет свести и ряд биографических фактов, и вольно или невольно проговариваемые личностные интенции, и эстетические установки в единое, концептуально организованное целое. Другими словами, при всей обширности

контекста, в рамках которого происходил поиск опорных категорий эстетической системы Бажова, выход в еще более отдаленные от литературы сферы его жизни (такие, например, как семейную или хозяйственную) будет оправдан и продуктивен.

Мир литературы и окружающая повседневность в восприятии Бажова находятся в состоянии естественного взаимопроникновения. Но те же письма позволяют заметить не менее интенсивную взаимосвязь, например, истории и фольклора, промышленности и культуры, языка и политики. Полифоничное, многослойное сознание писателя избегает каких-либо четких границ между всеми этими «частями». Уходит оно и от строгой системы приоритетов: Бажову чуждо отдать в своих размышлениях решительное предпочтение личному или профессиональному, индивидуальному или общепринятому – каждый раз он ищет естественный баланс, созидательное сочетание. И тогда творческие принципы становятся неотделимы от жизненной стратегии так же, как и жизнь систематически сплетается с творчеством, профессией, бытом.

Так, проблемно-структурный анализ писем писателя вскрывает коренную установку и его восприятия мира, и творческих интенций по отношению к этому миру – установку на многослойную, многосоставную и сложную, но естественную, принципиальную и функциональную цельность. Притом цельность, в которой каждая составляющая сколь зависима от остальных, столь же и равноправна по отношению к ним. В такой ситуации становится объяснимой такая черта бажовского эпистолярия, как чрезвычайная пестрота и разнообразие тем, адресатов, коммуникативных ситуаций, сочетающаяся с последовательно выраженной авторской индивидуальностью и в плане стилистическом, и в плане идейном. Комплекс основополагающих мировоззренческих положений в той или иной степени, но проявляется и в письмах внукам, и в переписке с коллегами-литераторами.

Исходя из этого, к вышеназванным пунктам научной ценности эпистолярного наследия писателя необходимо прибавить наиболее актуальный для современных исследователей его творчества потенциал

эпистемологического характера. Потенциал, при реализации которого велика вероятность прежде всего методологического прорыва, что, как кажется, является на данный момент самой насущной необходимостью и наиболее перспективным направлением в научных изысканиях, связанных с именем П. П. Бажова.

Основное содержание диссертации отражено в следующих работах:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ:

1. Григорьев Г. А. Эпистолярное наследие П. П. Бажова / Г. А. Григорьев // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2013. – № 2 (114). – С. 51–60.
2. Григорьев Г. А. Жизненный путь П. П. Бажова в интерпретации советских и современных биографов / Г. А. Григорьев // Вестник Новосибирского гос. университета. Серия: История, Филология. – 2014. – Т. 13, вып. 2. – С. 196–201. – Рец. на кн. : Сутырин В. А. Павел Бажов. Биографическое повествование / В. А. Сутырин. – Екатеринбург : Сократ, 2012. – 512 с.
3. Григорьев Г. А. Исторические взгляды П. П. Бажова (на материале эпистолярного наследия) / Г. А. Григорьев // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2014. – № 2 (127). – С. 32–44.

Публикации в других научных изданиях:

4. Григорьев Г. А. Депутатская переписка П. П. Бажова (на материале фондов Объединенного музея писателей Урала) / Г. А. Григорьев // Дергачевские чтения – 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы X Всерос. науч. конф. — Екатеринбург, 2012. — Т. 3. — С. 51–56.

5. Григорьев Г. А. Все пополам / Г. А. Григорьев // Литературный квартал. – 2009. – № 3–4 (16–17). – С. 65–69.
6. Григорьев Г. А. Проблемы позиционирования наследия П. П. Бажова / Г. А. Григорьев // Литературный квартал. – 2009/2010. – № 5. – С. 48–49.
7. Григорьев Г. А. Эпистолярное наследие П. П. Бажова: опыт и перспективы / Г. А. Григорьев // П. П. Бажов в меняющемся мире : сб. ст. – Екатеринбург : Объединенный музей писателей Урала, 2014. – С. 187–191.